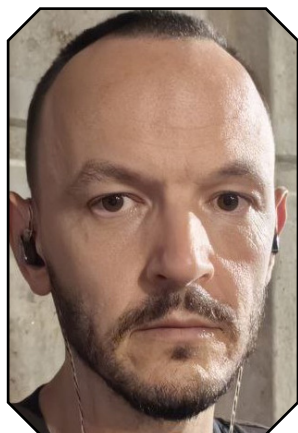

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Д. О. Тимошкин, Т. К. Ермаков, К. А. Иванов, М. С. Жарков, П. В. Тарасов «Ищем порядочного брата»: как мигранты используют социальные медиа для включения в экономику российских городов

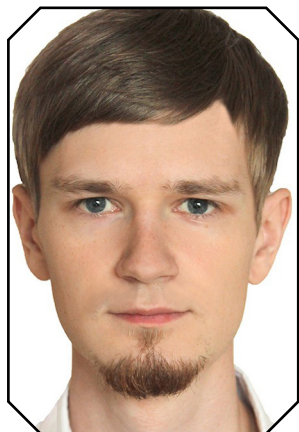

ТИМОШКИН Дмитрий Олегович — доктор социологических наук, приглашённый эксперт факультета социологии и антропологии Университета Таммасат. Адрес: Таиланд, 12121, Бангкок, пр. Пахонйотин 99/18. Профессор кафедры информационных технологий в креативных индустриях Сибирского Федерального университета. Адрес: Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79.

Email: dmtrtim@gmail.com

В статье анализируется тематическая структура массивов постов и комментариев в социальной сети «ВКонтакте», в которых трансграничные и внутренние мигранты обсуждают поиск работы и жилья в российских городах. Мы искали сходства и различия в обсуждаемых типах жилья и работы, связанных с этим проблем и способов решения, в социальных характеристиках авторов. С помощью парсера был собран массив текстов в группах сети «ВКонтакте», содержащих в названиях ключевые слова, отсылающие к темам трансграничной или внутренней миграции. Для поиска релевантных теме текстов использовалась обученная на обработанной вручную выборке нейросеть BERT. Массив, сформированный нейросетью, обрабатывался с помощью линейного классификатора для выделения ключевых тем. Затем случайные выборки из массива текстов внутренних и трансграничных мигрантов вручную анализировались с помощью количественного и качественного контент-анализа. Выделив тематическую структуру подвыборок, мы сравнили ключевые темы. В обеих выборках упоминается схожая проблематика: дефицит информации, денег, социального капитала. Схожими представляются и способы использования цифровых платформ для её решения: здесь формируются «слабые связи», основанные на территориальных, этнических и религиозных общностях. При этом в выборке внутренних мигрантов чаще упоминаются маркеры религиозных общностей; в выборке трансграничных мигрантов — маркеры территориальных общностей. Отличаются ключевые темы в подвыборках: в первой (внутренние мигранты) чаще обсуждаются транслокальные сети, связывающие принимающий регион с регионом исхода. Во второй (трансграничные мигранты) чаще встречается тема административных барьеров. Аномалией выборки трансграничных мигрантов стало то, что в ней доминируют территориальные маркеры, позволяющие идентифицировать авторов как выходцев с «новых территорий». Тематическая структура соответствующих выборок позволяет предположить, что они формируют значительную группу мигрантов в России, активно пополняющих рынок низкооплачиваемой рабочей силы в провинции, вовлекаясь в теневые и неформальные сегменты экономики, в том числе в семейную экономику, сельское хозяйство, экономику ухода.

Ключевые слова: мигранты трансграничные; мигранты внутренние; социальные медиа; транслокальность; «слабые связи»; экономика заботы.

ЕРМАКОВ Тихон Константинович — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Сибирского Федерального университета. Адрес: Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79.

Email: erm-tihon@mail.ru

ИВАНОВ Кирилл Андреевич — старший преподаватель кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук (ИСН) Иркутского государственного университета (ИГУ). Адрес: Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1.

Email: ivanov-ka@word.isu.ru

Введение

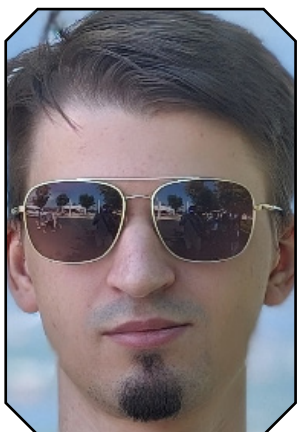
Изучение процесса интеграции мигрантов и сопутствующих препятствий становится, учитывая демографические тренды в России [Czaika, Naas 2014; Аганбегян 2017; Castelli 2018; Рыбаковский, Кожевникова 2018], всё более актуальной задачей. Страна нуждается в иностранной рабочей силе, а значит, в эффективных механизмах включения новоприбывших в принимающие города. Будучи «маргинальным человеком», мигрант практически неизбежно сталкивается со значительной дистанцией [Баньковская 2023], отделяющей его от сосредоточенных в принимающем городе дефицитных ресурсов и институтов, регулирующих их перераспределение [Варшавер 2021].

Расстояние это может зависеть от опыта проживания в большом городе, от культурной дистанции, разделяющей мигрантов и «местных», от видимых отличий, которыми может обладать приезжий, и терпимости к нему принимающей группы, уровня владения языком и от других факторов [Ager, Strang 2008; Heilbrunn, Kushnirovich, Zeltzer-Zubida 2010; Albada, Hansen, Otten 2021]. Интеграцию можно рассматривать как сокращение этой дистанции, овладение институциональными механизмами перераспределения ресурсов [Мукомель 2011; Варшавер 2016; Graauw, Vermeulen 2016]. Существует множество описаний как барьеров, затрудняющих интеграцию мигрантов в России (например: [Дятлов 2010; Мукомель 2014; Дмитриев 2015; Малахов, Симон 2018]), так и способов их преодоления [Малахов 2015; Варшавер 2016].

Появляется всё больше данных о роли, которую в этих процессах играют социальные медиа. Так, они влияют на формирование, изменение и направление миграционных потоков [Hidayati 2020]: привлекательный образ принимающей страны в популярном YouTube-канале¹ может повлиять на решение о выборе пункта назначения. Представленный в цифровых медиа опыт интеграции способен сформировать представление о том, что ждёт будущего мигранта в принимающей стране. Социальные медиа становятся эффективным инструментом, позволяющим несколько снизить связанные с миграционными процессами риски.

Снижение рисков происходит благодаря предоставляемой социальными медиа возможности организовывать и поддерживать инфраструктурные и социальные сети, накапливать социальный капитал, который затем может быть конвертирован в финансовый, снижать издержки, связанные с легализацией [Фофанова, Борисов 2013; Dekker, Engbersen 2014; Kok, Rogers 2017; Кужелева-Саган et al. 2016; Alencar 2018; Ни 2022; Сметанин et al. 2023]. В столь стрессовой ситуации, как переезд в другую страну, возможность опереться на выстраиваемые в цифровом пространстве «слабые связи» иногда становится критически важной. Используя её, люди формируют огромные текстовые массивы, обмениваясь опытом, ресурсами, всячески поддерживая друг друга. Эти массивы можно назвать цифровым следом миграционных процессов; они и стали объектом нашего исследования.

¹ С июля 2024 г. работает в России с ограничениями скорости и доступности.

ЖАРКОВ Михаил Сергеевич — научный сотрудник Сибирского Федерального университета. Адрес: Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79.

Email: mzharkov@sfu-kras.ru

ТАРАСОВ Павел Владимирович — независимый исследователь. Адрес: Достоевского 14, Нови Сад, 21000, Сербия.

Email: Berrymorr@gmail.com

Изучение цифровых следов человеческих миграций часто бывает сфокусировано на трансграничных перемещениях, акцентируется на последствиях пересечения границ «воображаемых сообществ» для мигрантского и принимающего сообществ. Аналогичные процессы, происходящие внутри национальных границ, исследуются реже, по крайней мере, в России. Зная о сходствах проблематики, с которой сталкиваются внутренние и трансграничные мигранты [Мукомель 2016; Кузнецов 2018], можно предположить, что социальные медиа одинаково важны для обеих групп. Однако различия в культурных контекстах, направлениях, составе разных миграционных потоков могут определять и разницу в том, как и зачем они будут использоваться.

Соответственно, сравнительный анализ «цифрового следа» разных типов миграционных потоков может позволить обнаружить сходства и различия в сложностях, с которыми сталкиваются внутренние и трансграничные мигранты, а также в том, как они используют социальные медиа для преодоления этих проблем. В этом и заключалась цель данного исследования. Чтобы выполнить её, предполагалось, выгрузив массивы постов и комментариев из групп внутренних и трансграничных мигрантов в крупнейшей российской социальной сети «ВКонтакте», сравнить их между собой, определив сходства и различия тематической структуры материала.

Статья стала результатом проведённого в два этапа исследования «цифрового следа» миграционных процессов в России. На первом этапе, на массиве текстов трансграничных мигрантов отрабатывалось использование нейросети BERT для выделения тем, связанных с нашей исследовательской целью. Его результатом стала статья, в которой мы сфокусировались именно на проблематике трансграничных мигрантов [Тимошкин et al. 2025]. Теперь мы сконцентрируемся на выборке из массива постов и комментариев мигрантов внутренних, а также на сравнении тематической структуры двух выборок.

Статья выстроена следующим образом: в первом разделе описывается теоретическая рамка исследования; во втором — методы сбора и анализа материала; в третьем — выборка внутренних мигрантов; в четвёртом — трансграничных. В заключении сравниваются тематические структуры этих выборок.

Интеграция и цифровые узлы транслокальных сетей: теоретическая рамка исследования

Теоретическая рамка была сформирована несколькими концептами. Первый из них описывает четырёхкомпонентную структуру интеграционного процесса, включающую культурное, структурное, социальное и идентификационное измерения [Esser 2004; Heckmann 2005]. Критерием интеграции становится включение приезжего в ключевые институты принимающего сообщества [Heckmann 2005] и, как следствие, сокращение разрыва в его доступе к ресурсам, регламентируемым этими институтами.

Исследование интеграционного процесса во всей его комплексности представляется задачей, выходящей далеко за рамки одной исследовательской статьи. Предложенная Х. Эссером и Ф. Хекманом классификация аспектов интеграционного процесса позволяет формализовать процесс интеграции, выделить наиболее значимые аспекты и, соответственно, определить критерии релевантности текстов в массиве.

Опираясь на работу А. Эйгер и А. Стрэнг [Ager, Strang 2008], мы решили акцентироваться на двух аспектах структурного измерения интеграционного процесса: на поиске работы и жилья, предположив, что именно они создают предпосылки для других измерений этого процесса. Например, как указывают упомянутые авторы в своём исследовании, работа помогает сформировать социальные связи, в том числе и с представителями принимающего сообщества, выучить язык и, самое главное, получить экономический ресурс для того, чтобы обеспечить всё это. Жильё также является базовой потребностью, без удовлетворения которой сложно себе представить успешную реализацию идентификационного, культурного и социального аспектов. Эти соображения позволили нам конкретизировать задачи исследования, сфокусировавшись именно на поиске упоминаний работы и жилья в массиве.

Ещё одним важным для нас концептом стала транслокальность — состояние одновременной включённости мигрантов в несколько мест и сообществ, прежде всего в место прибытия и место исхода, связанные между собой горизонтальными сетями [Peth, Sterly, Sakdapolrak 2018]. Концепт транслокальности позволяет рассматривать миграцию как перестройку связей между местом и группой после переезда. Мигранты нередко продолжают поддерживать отношения с оставшейся дома семьёй и другими значимыми для них людьми, участвуют в обмене деньгами, информацией, выражают и получают заботу и эмоциональную поддержку. Благодаря этим связям место исхода остаётся частью их повседневной жизни, иногда помогая включиться в принимающий город [Oakes, Schein 2006; Brickell 2011], одновременно в некоторых случаях увеличивая экономическую устойчивость сообществ региона исхода.

Массовое распространение социальных медиа существенно расширило возможности мигрантов выстраивать и поддерживать транслокальные сообщества. Поддерживать связь, организовывать логистические сети, распространять информацию, делиться эмоциями и проявлять заботу на расстоянии стало значительно проще и куда менее затратно [Madianou 2016]. Выросла скорость обмена информацией, увеличились возможности расширения сети через вовлечение в неё новых участников с помощью цифровых площадок.

Медиа дают возможность формировать построенные на доверии сообщества по размещённым в сообществах маркерам, указывающим на территориальную и (или) социальную общность. Всё это позволяет рассматривать цифровые платформы как сетевые узлы [Кастельс 1999], поддерживающие существование транслокальных сообществ, параллельно производящие множество описаний того, как эти сообщества функционируют, в том числе как они влияют на процесс интеграции мигрантов.

Сбор и анализ материала

Эмпирической базой исследования стали посты и комментарии, которые мы выгрузили из 524 групп в социальной сети «ВКонтакте». Поиск этих сообществ осуществлялся с использованием встроенного инструмента поиска ВК. В поисковом запросе комбинировались названия ключевых принимающих городов (Москва и Санкт-Петербург) с названиями российских регионов, крупнейших городов и соответствующих этнохоронимов (например, «Иркутяне + в + Москве», «Удмуртия + Санкт-Петербург» и др.). Запросы также дублировались в поисковой системе «Яндекс» с использованием инструмента «site [название сайта]: [ключевое слово] + [дополнительной ключевое слово]». В качестве названия

сайта использовался адрес vk.com, в качестве ключевого слова — название принимающего города, в качестве дополнительного ключевого слова — российские регионы, крупные города, этнохоронимы.

Найденные группы различались по количеству участников и активности пользователей. Некоторые группы могли включать десятки человек, но на момент поиска годами не использовались. Другие имели тысячи подписчиков, ежедневно генерировавшие десятки и сотни сообщений. География регионов исхода охватывала всю Россию, но наиболее «живыми» (с точки зрения количества подписчиков и активности на странице) оказались группы выходцев из национальных республик, в особенности — Северного Кавказа, в Москве и Санкт-Петербурге.

Мы загрузили посты и комментарии из этих сообществ, используя открытый API «ВКонтакте». Была создана SQL-база данных, содержащая порядка пяти миллионов коротких сообщений. Учитывая объём материала и сложность поиска по ключевым словам, описывающим интересующие нас темы, мы решили воспользоваться нейросетью для выделения из этого массива релевантных постов и комментариев. Нейросеть была обучена во время первого этапа исследования на массиве постов и комментариев 850 групп трансграничных мигрантов в сети «ВКонтакте», собранном аналогичным способом.

Для обучения использовался массив из 30 961 короткого текста, предварительно вручную они были разделены по трём классам: «Работа»; «Жильё»; «Другое». Из общего массива была сформирована обучающая выборка, состоящая из случайно отобранных 10 тыс. текстов. В качестве тестовой выборки использовали оставшиеся 20 961 текст. Как основной метод оценки качества автоматического классификатора использовались значения F1-меры. Для применяемой в исследовании модели полученное в результате тонкой настройки Rubert Tiny, значение F1-меры составило 0,94 (аналогичный показатель для линейной модели был равен 0,83). Алгоритмы, используемые для обучения классификаторов, выложены в открытый доступ на платформе github (<https://github.com/alpotekhin/socclassif>).

На втором этапе мы использовали ту же модель для выделения постов и комментариев, описывающих поиск работы и жилья, из массива текстов внутренних мигрантов. Это решение было обосновано следующими соображениями: обе группы пишут тексты на русском языке. Обе группы, как показывают исследования коллег, сталкиваются со схожей проблематикой, связанной с перемещением между разными типами поселений, разными культурными средами [Мукомель 2016; Кузнецов 2018]. Например, исследование, проведённое в среде сельских мигрантов, проживающих в сибирских городах, показывает, что они могут проходить через схожие этапы интеграционного процесса, сталкиваясь при этом со схожими проблемами, что и мигранты трансграничные [Корешкова et al. 2025]. Всё это позволяет ожидать, что тематика, структура и содержание текстов, созданных двумя группами мигрантов, будут схожими настолько, что это разрешает рассчитывать на корректную работу модели с обеими выборками.

В массиве внутренних мигрантов было найдено 12 674 поста и комментария, содержащих упоминания жилья или работы. Выборка была проанализирована с помощью линейного классификатора. Результаты были спорными: мы не смогли прийти к согласию относительно того, как интерпретировать принцип, по которому тексты были объединены в общую выборку, поэтому решили вручную обработать небольшую подвыборку. С помощью стандартных инструментов работы с базами данных SQL была извлечена случайная подвыборка текстов для проведения качественного и количественного контент-анализа. В каждую подвыборку мы включили по 500 текстов категории «Работа» и «Жильё». Единицей анализа стал отдельный пост.

Необходимо указать на ряд ограничений, связанных с выбранными нами методами. Мы не можем делать никаких заключений относительно численности групп, о которых говорим. Учитывая, что медийная представленность группы может быть непропорциональна её реальной численности, нельзя,

опираясь на анализ тематической структуры выборок, делать какие-либо выводы о степени представленности этих тем за пределами цифровых пространств. Представленность группы в цифровом пространстве может определяться доступом в сеть, количеством проблем, с которыми эта группа сталкивается, но не с её численностью.

Помимо этого, исходя из этических соображений, мы не можем делать никакие выводы о возрасте, поле, статусе людей, чьи высказывания анализировали: массив был анонимизирован, что является стандартной исследовательской практикой в таких проектах. Таким образом, наш материал может показать тематическую структуру текстов, связанных с интересующими нас проблемами, но не может показать, в каких пропорциях эти темы представлены в разных «мигрантских» группах.

«По нации Даргинец, с оплатой проблем не будет»²: социальные медиа внутренних мигрантов как агрегатор социального и эмоционального капитала

Итак, мы сконцентрировались на двух ключевых процессах, составляющих структурный аспект интеграции, — на поиске работы и жилья. В нашем распоряжении оказалось две выборки постов и комментариев. Одна была собрана из групп внутренних мигрантов, другая — из групп мигрантов трансграничных. Каждая подвыборка (жильё и работа) кодировалась вручную с помощью программы MaxQDA. Кодированные сегменты объединялись в тематические категории, разделённые на три уровня. Наша задача заключалась в том, чтобы, сравнив между собой тематическую структуру выборок, выявить ключевые сходства и различия.

Жильё

На верхнем уровне подвыборки текстов внутренних мигрантов, описывающих поиск жилья, находились две ключевых категории — «Спрос» и «Предложение». Каждая из них делилась на подкатегории среднего уровня: «Расположение», «Обустройство», «Тип оплаты», «Характеристики жильца», «Тип жилья», «Тип сделки». В свою очередь, каждая подкатегория среднего уровня содержала от четырёх до десяти подкатегорий нижнего уровня, в которых описывались подробности.

Например, подкатегория среднего уровня «Характеристики жильца» содержала подкатегории нижнего уровня: «Занятость», «Регион исхода», «Этничность», «Возраст», «Пол», «Религиозная принадлежность». Каждая из них объединяла соответствующие маркеры в том случае, если они входили в текст объявления. Подкатегория среднего уровня «Тип жилья» содержала подкатегории нижнего уровня «Частный дом», «Квартира», «Койко-место», «Комната», «Хостел», «Коммунальная квартира». Подкатегория среднего уровня «Тип оплаты», соответственно, объединяла «Рассрочку», «Ипотеку», «Ежедневную оплату», «Помесячную оплату», «Бартер».

При анализе характеристик соискателей жилья в выборке внутренних мигрантов видно, что нередко объявления размещаются небольшими группами выходцев из одного региона, ищущими жилье для совместной аренды. Снимать вчетвером трёхкомнатную квартиру оказывается дешевле, нежели однокомнатную в одиночку (см. рис. 1).

² Здесь и далее при цитировании постов сохраняются особенности грамматики и стиля оригинала.

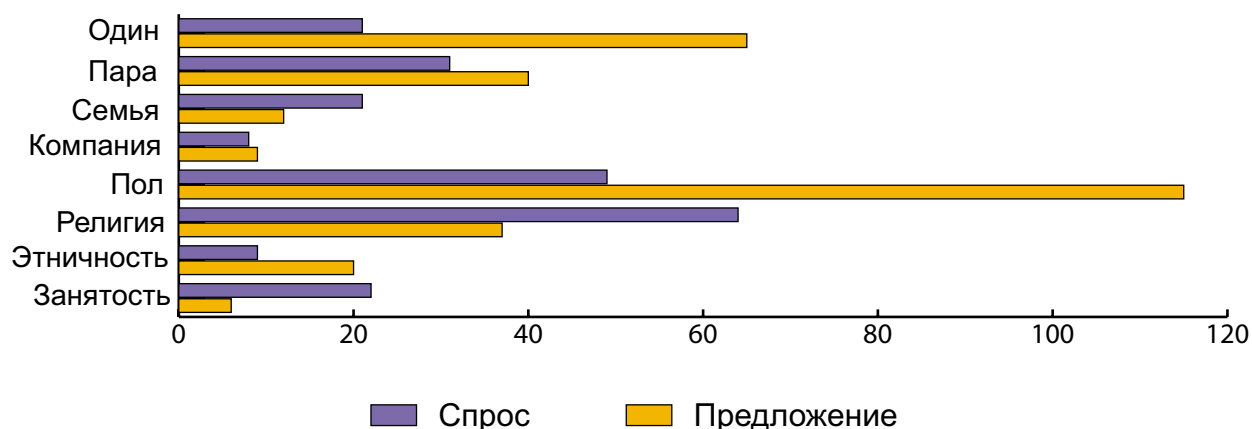

Рис 1. Тип соискателя (внутренние мигранты)

В объявлениях о совместной аренде женщины почти в 10 раз чаще (8 против 71) упоминаются как желательные соарендаторы. Вероятно, это связано с тем, что женщины-мигранты находятся в гораздо более уязвимом положении, испытывая большую субъективную потребность в ощущении безопасности. Совместная аренда с другими женщинами-мигрантами описывается как оптимальный способ усилить ощущение безопасности, одновременно сэкономив ресурсы. Соседство с одинокими мужчинами описывается как нежелательное:

Сниму койко-место в малонаселённой квартире с женским составом, с ремонтом. В пешей доступности от метро. Без мужчин, без детей, без животных;

Две девушки ищут комнату, без мужчин, животных и детей. Где уважают личное пространство.

Дефицит ресурсов и информации ведёт к необходимости идти на высокий риск, связанный с проживанием под одной крышей с незнакомыми людьми. Совместное проживание в одной квартире предполагает постоянное присутствие чужака в чувствительной близости от личных границ. Цифровые платформы дают возможность снизить риск за счёт частичного преодоления этой «чуждости» ещё на этапе размещения поста и (или) комментария. Пользователи включают в них маркеры этнической, религиозной или территориальной принадлежности, что позволяет потенциальным партнёрам по коммуникации идентифицировать автора как «своего», увеличивая взаимное доверие:

Здравствуйте. Нужна комната. На два человека <...> в этих районах можно и ближайшие Узынишу фышытхэ!!!³

Ас'Салям Алейкум. Сдаётся койко-место, в двухкомнатной квартире. 5 минут от метро Щёлковская. В комнате одна женщина (кабардинка).

В подвыборке «Жильё» доминируют религиозные, «исламские» маркеры и «этнические» (см. рис. 1). Встречаются и отсылки к тем или иным регионам, главным образом к национальным республикам. Как требование к будущим арендаторам авторами объявления о сдаче жилья маркер «Русские» в выборке упоминаются однажды, «Славяне» — дважды. Россияне не упоминаются вовсе.

В ряде случаев религиозные маркеры соседствуют с этнохоронимами. Например, в комментарии указывается этнохороним, часть комментария написана на арабском языке, но кириллицей, что нередко

³ «Будьте здоровы!» (кабардинский).

воспринимается в России как маркер исламскости [Кемпер, Бустанов 2015]. Так авторы выражают запрос к потенциальному собеседнику на соответствие нормам исламской этики:

Ассалямму 'алейкум уа рахматуЛлахи уа баракатух, сдаётся 1 койко-место в 1-ой кв. ст м. Семёновская, (5 мин пешком от метро) Только для соблюдающего мусульманина (ВСЕХ БРОДЯГ И ИМ ПОДОБНЫХ ЛЮДЕЙ ПРОШУ ПРОЙТИ МИМО) СТРОГО ДЛЯ НОРМАЛЬНОГО МУСУЛЬМАНИНА!!!! Спокойного и работающего! В квартире все условия есть. До мечети 15 мин!

В нашей выборке оказалось значительное количество комментариев с исламскими маркерами при почти полном отсутствии отсылок к иным религиям (в единичных случаях упоминаются буддизм и шаманизм, однажды — христианство). Это может говорить о том, что мусульмане, выходящие из российских регионов, в большей степени, нежели представители других религий, рассчитывают на «силу слабых связей» с единоверцами. Диспропорция в религиозных маркерах, которые мы видим в выборке, позволяет предположить, что сети, построенные на религиозной солидарности, могут являться одним из факторов, стимулирующих мобильность населения в России.

Принадлежность к умме позволяет рассчитывать на относительно более лёгкий поиск «слабых связей» в сложных обстоятельствах, а значит, на большую вероятность принятия решения о переезде. Другим объяснением может быть то, что именно мусульмане, перемещаясь между российскими регионами, сталкиваются в большей степени с дефицитом финансового и социального капитала, поэтому чаще обращаются за помощью к пользователям цифровых площадок. Это явление описано как цифровая умма (*digital ummah*) [Khalid 2019].

Востребованность совместной аренды объясняется не только финансовыми соображениями, но и возможностями сохранения и увеличения эмоциональной устойчивости, чувства субъективной безопасности. Общий регион исхода позволяет опереться на общий культурный контекст, что упрощает выстраивание коммуникации. В некоторых случаях это обеспечивает потребность в общении на родном языке, спасает от ощущения одиночества и потерянности, столь характерного для людей, недавно поселившихся в новом городе.

Работа

Подвыборка «Работа» была разделена на категории аналогичным подвыборке «Жильё» образом. На верхнем уровне находились «Спрос» и «Предложение», далее следовали «Регион», «Тип занятости», «Характеристики соискателя», «Субъективная и (или) эмоциональная оценка ситуации», «Акторы, взаимодействующие с мигрантом». Каждая подкатегория среднего уровня объединяла несколько сгруппированных детализированных описаний типа занятости, социальных характеристик соискателя, условий работы.

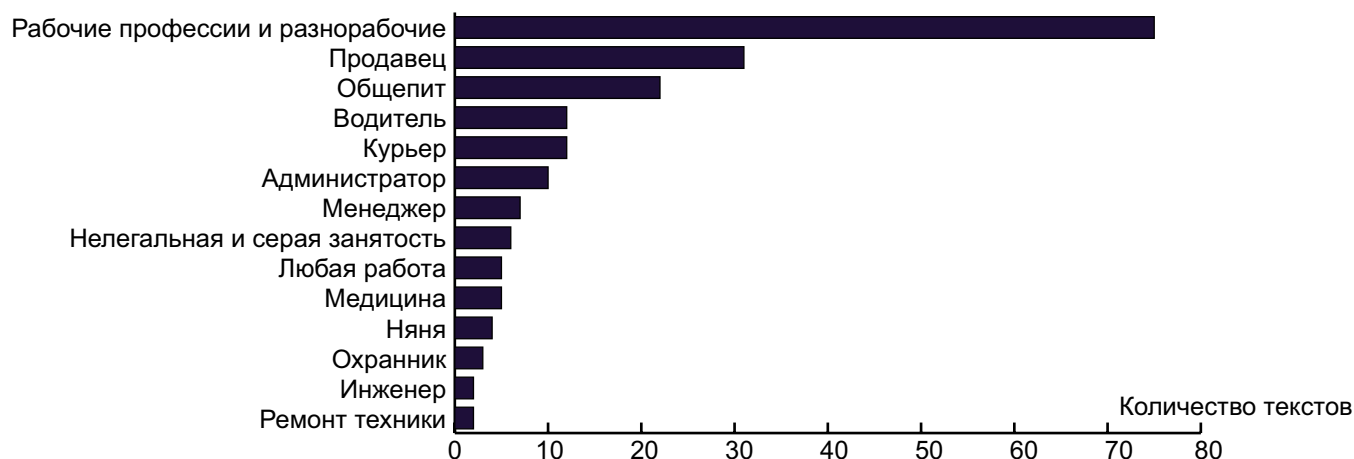

Рис. 2. Типы занятости (внутренние мигранты)

Пол здесь упоминается реже, чем в выборке «Жильё» (30 против 165 кодированных сегментов). Мужчины упоминаются в объявлениях о найме на «рабочие» специальности, женщины требуются на позиции, связанные со сферой обслуживания, и ищут работу на тех же позициях. В объявлениях работа внутренним мигрантам предлагается главным образом в общепите, логистике и торговле. При этом запросов от работодателей в разы больше, нежели от соискателей. Также внутренним мигрантам предлагается традиционная 3d-работа, то есть грязная (*dirty*), опасная (*dangerous*) и сложная или трудная (*difficult*) с подённой оплатой, в нелегальной и полуполюгальной экономике — курьерами наркошопов, номинальными директорами, в эскорте:

Требуются сотрудники на должность: временный директор. Наша компания занимается созданием новых компаний, именно поэтому нужны вы. На время регистрации компании вы будете участвовать в роли директора. После регистрации компании вас меняют на нового директора (человека кто купит эту компанию) <...> Заработная плата: за каждый выход от 5000 р., в конце сделки — оплата 20 000 рублей — это совмещение с основной работой.

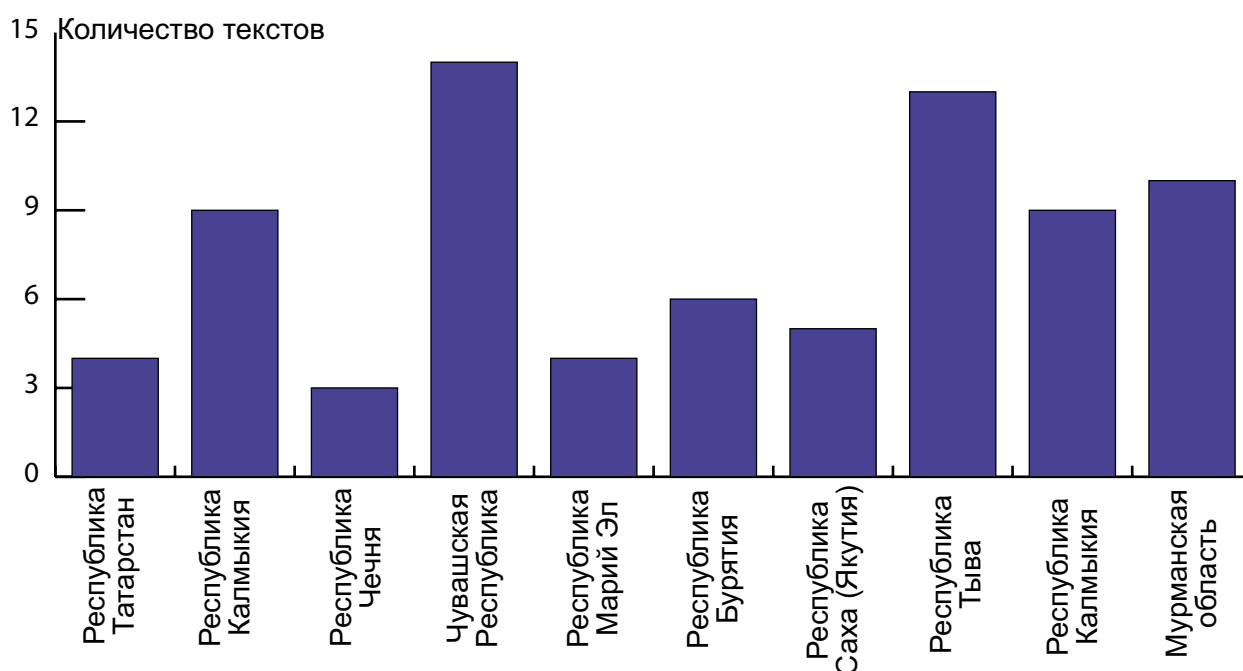

Рис. 3. Основные регионы-доноры в подкатегории «Работа» (внутренние мигранты)

В категорию «Работа» были включены тексты, описывающие услуги, связанные с поддержанием транслокальных сетей, такие как перевозки людей и грузов между Москвой, Санкт-Петербургом и другими регионами, главным образом между национальными республиками. Сети используются для перемещения между регионами исхода и столицами в обоих направлениях посылок (именно они в первую очередь упоминаются в подвыборке) и людей. Широкая представленность в выборке национальных республик среди регионов-доноров (см. рис. 3) может говорить о том, что именно у выходцев из этих регионов неформальные услуги, связанные с поддержанием транслокальных сетей, связывающих Москву и Петербург с местами исхода, оказываются наиболее востребованными.

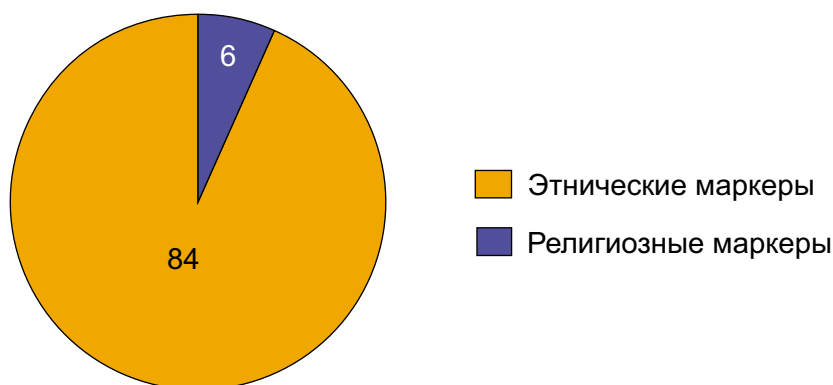

Рис. 4. Этнические и религиозные маркеры в подкатегории «Работа»

В постах о работе упоминаний групповых маркеров меньше, чем в текстах категории «Жильё». Вероятно, разница связана с тем, что совместное проживание предполагает большую близость, а значит, большую степень доверия, что актуализирует включение в тексты групповых маркеров. При этом религиозные маркеры в подвыборке «Работа» представлены реже, нежели отсылки к другим культурным общностям (см. рис. 4). Среди нерелигиозных маркеров можно выделить идентичность, которую мы определили как сибирская (в этом случае авторы текстов используют групповой маркер «Сибиряк»). В сообщениях, содержащих соответствующую отсылку, описываются культурные проекты, излагаются истории переезда «сибиряков» на запад России:

И небольшая #историясибиряка: Приехал в Питер <...> Устроился специалистом складской логистики <...> 4 с половиной года на складе. с 2013-го стал продавцом-консультантом отдела крупной бытовой техники. Так что, нужна консультация— обращайтесь, расскажу правду <...> Сейчас работаю продавцом самоваров, тандыров и дистилляторов. Тожже могу подсказать. На квартиру не заработал. Только на комнату в общежитии. И то пришлось кредит взять в банке. Ещё три года выплачивать <...> Приютил сына знакомых из братской Беларуси. Он повар, кафешка разорилась, сейчас ищет работу.

Этот комментарий типичен по структуре для нашей выборки. Его можно рассматривать как проект транслокального «сетевого узла», предназначенного для обмена информацией и социальным капиталом. Предлагая «своим» информацию, пользователь одновременно запрашивает помощь у потенциальной аудитории, описывая ситуацию, в которой оказался его знакомый. Текст содержит маркер, отсылающий к территориальной общности, предлагаемой в качестве основы для выстраивания доверительных отношений между «своими».

Отсылки к религиозным, этническим или региональным общностям встречаются в постах, описывающих разновидности «этнического» или «религиозного» предпринимательства, и выступают гарантом качества предлагаемого товара. Так, широко представлена реклама товаров, маркированных как «ис-

ламские» или «халяльные», — ковриков, средств для ухода за бородой, косметики. Иногда религиозные маркеры присваиваются вполне светским товарам. Например, объявление о продаже духов и косметики сопровождается примечанием: «Женщины пижут в присутствии махрама». В ряде объявлений религиозными маркерами снабжается приглашение к «агрегаторной занятости»: партнёры «Яндекс.Такси» ищут водителей среди единоверцев или земляков.

Небольшие бизнесы, ориентирующиеся на культурные общности, также используют социальные медиа для формирования транслокальных сетей. Предприниматели предлагают через владение предметом или участие в мероприятии, связанном с регионом исхода, ощущение близости к его культуре, поддерживая своего рода символическую транслокальность. В выборке можно увидеть и другие способы обмена символического капитала на капитал финансовый (например, мероприятия «для своих»):

Мы создаём ситуацию, в которой татары легко знакомятся между собой, находят партнёров по бизнесу или просто приятных и интересных собеседников <...>. Наконец, наше мероприятие позволяет интересно и увлекательно провести время в уютной атмосфере закрытого клуба знакомств xxx (Москва).

Халяльная вкусная и сытная еда из КБР, Чечни и Дагестана в Москве<...>. Мы можем приготовить отварного гуся (Гусь по-терски с галушками и чесноком в народе), Лыгъур, как и любое другое блюдо адыгской и дагестанской кухни, и привезём его Вам!

Разновидностью «этнического предпринимательства», присутствующей в выборке, можно назвать обмен лояльности на право манифестации культурных различий [Дятлов, Нам 2020]. Органы местного самоуправления и представители «мигрантских» НКО совместно организуют встречи, круглые столы и праздники, преподнося это как механизм контроля миграционных процессов. Регулярно публикуемые отчёты о таких мероприятиях существенно повлияли на структуру выборки, увеличивая количество упоминаний отдельных этнохоронимов.

Тематическая структура выборки внутренних мигрантов позволяет предположить, что одной из главных проблем, решение которой люди ищут на цифровых платформах, становятся дефицит информации и капитала, риски, связанные с необходимостью взаимодействия с незнакомцами. Цифровые платформы позволяют создавать проекты «сетевых узлов» — тематических диалогов, в которых мигранты, упоминая маркеры групповой принадлежности, получают возможность достигнуть определённого уровня доверия, повышающего субъективное ощущение безопасности.

Опора на «слабые связи», выстроенные на земляческой, этнической и религиозной солидарности, становится основой взаимодействия, итогом которого, в свою очередь, становится снижение издержек включения в городскую экономику и связанных с этим рисков. Используя идентификационный маркер в своём объявлении, автор выстраивает барьер, отделяющий его от «чужаков», одновременно снижая его для представителей «мы-группы» — «Мусульман», «Сибиряков», «Коми», «Чеченцев».

«Страшно ехать в неизвестность, но и здесь невыносимо страшно»: социальные медиа как узел горизонтальных сетей вынужденных переселенцев

Аномалией выборки постов трансграничных мигрантов стало большое количество топонимов, позволяющих отнести их авторов к переселенцам из «новых» российских регионов. Соответствующих топонимов было существенно больше, чем названий иных территорий-доноров, таких как Таджикистан, Узбекистан, Казахстан (см. рис. 5). Формально этих людей можно отнести к мигрантам внутренним, однако большинство комментариев, содержащих соответствующие топонимы, попались нам именно

в выборке, полученной из сообществ трансграничных мигрантов. Поскольку эта категория мигрантов практически не описана, в этом разделе мы сосредоточимся именно на ней.

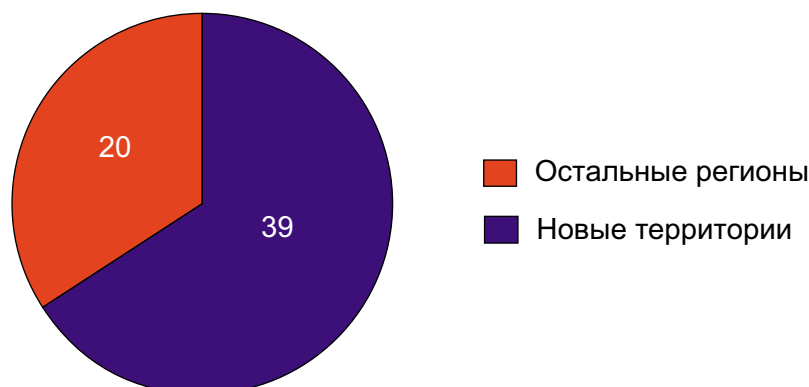

Рис. 5. Упоминание новых территорий и других субъектов Российской Федерации трансграничными мигрантами

Столь обширное присутствие соответствующих территориальных маркеров в сравнении с упоминаниями других регионов-доноров можно объяснить искажением выборки. Это могло быть следствием того, что пропорционально носителей русского языка в этой группе куда больше, чем среди других категорий трансграничных мигрантов, прибывающих в Россию. Вынужденные до определённого момента преодолевать те же административные барьеры, они концентрируются в сообществах трансграничных мигрантов, так как здесь собрана необходимая им информация. Также диспропорция могла быть связана с тем, что массив был собран после 2022 г., когда в силу очевидных причин количество вынужденных переселенцев, обращающихся за помощью в мигрантские группы, резко возросло. Диспропорция может быть вызвана гораздо более тяжёлым положением, в котором оказываются выходцы из «новых территорий», их исключённостью из сетевых структур принимающих регионов. Авторы соответствующих постов не планировали переезд и не имели достаточно времени на подготовку. В их окружении также может не быть людей, обладающих релевантным миграционным опытом.

Жильё

Об особо тяжёлом положении представителей этой группы свидетельствует тематическая структура соответствующих подвыборок. В категории «Жильё» регулярно встречаются просьбы о помощи, подразумевающей возможность бесплатного проживания, с указанием на срочность. Если в предыдущей выборке существенная часть авторов постов ищет варианты совместной аренды, то здесь некоторые авторы ищут любое жильё:

Ребята, обращаюсь к вам всем за помощью. Мы сегодня прибыли в город X, в ПВР [пункт временного размещения], условия тут ужасные. В одном номере живут 21 человек и кошка. Из них всех 7 детей <...>. У меня двое детей, мама-пенсионерка и муж. Прошу, помогите с жильём. Платить мне нечем, но я взамен согласна на любую работу. ПРОШУ, ПОМОГИТЕ!

Ищу жильё, мне 15 лет, буду жить одна, без родителей и т. д., они остались в городе Y. Помощь в уборке, готовке, помогу посидеть с детьми и т. д.

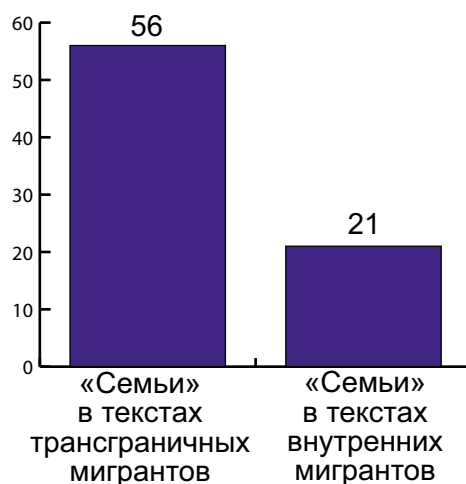

Рис. 6. Упоминания «семей» в подвыборках постов внутренних и трансграничных мигрантов категории «Жильё»

Сопоставляя подвыборки, относящиеся к категории «Жильё», можно увидеть различия в предпочтительных типах арендуемых и сдаваемых помещений. В подвыборке трансграничных мигрантов чаще упоминаются квартиры, а не комнаты или спальные места. Гипотетически, это может быть связано с тем, что вынужденные переселенцы чаще переезжают семьями. В подвыборке постов внутренних мигрантов члены семей — мужья, жены, дети, бабушки и дедушки — упоминаются почти в пять раз реже, чем в подвыборке постов трансграничных мигрантов

Добрый день. Подруга с дочерью из X срочно ищут квартиру или дом в Y. Семья живёт в самом обстреливаем районе города. Постоянно в подвале сидят <...> Женщина 42 года, девочке 12 лет. Семья готова оплатить ежемесячно жильё. Сил уже нет сидеть под обстрелами;

Помогите, пожалуйста, найти жильё в аренду, X или область. В свете последних дней, в Y находиться опасно для жизни. Возможно, есть какие-то агентства по недвижимости, которые помогут с поиском жилья. Очень страшно ехать в неизвестность, но и здесь невыносимо страшно.

В выборке постов трансграничных мигрантов появляется тип жилья, практически отсутствующий в постах мигрантов внутренних, — частные дома. Это может быть связано как с тем, что трансграничные мигранты в большей степени готовы жить за пределами крупных городов, так и с тем, что в городском «частном секторе» можно найти наиболее дешёвое жильё, подходящее для проживания семьи.

Ещё одно различие заключается в соотношении упоминаний центра и провинции. Подсчитав количество российских принимающих городов и регионов, мы увидим, что, во-первых, в подвыборке трансграничных мигрантов практически не упоминаются национальные республики. В подвыборке внутренних мигрантов, напротив, они составляют большинство упоминаний, помимо Москвы и Санкт-Петербурга (см. рис. 7, 8). Столицы здесь доминируют, в выборке же трансграничных с ними конкурируют Ростов, Иркутск, Воронеж, Краснодар и Калининград. В текстах мигрантов трансграничных провинциальные города больше упоминаются в качестве принимающих.

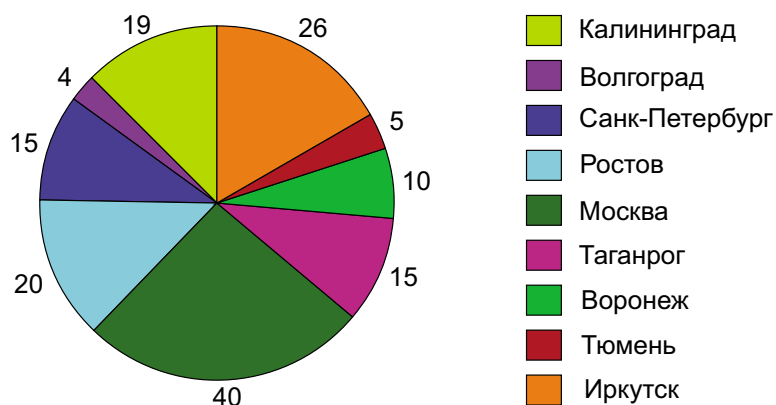

Рис. 7. Принимающие регионы, подвыборка «Жильё», трансграничные мигранты

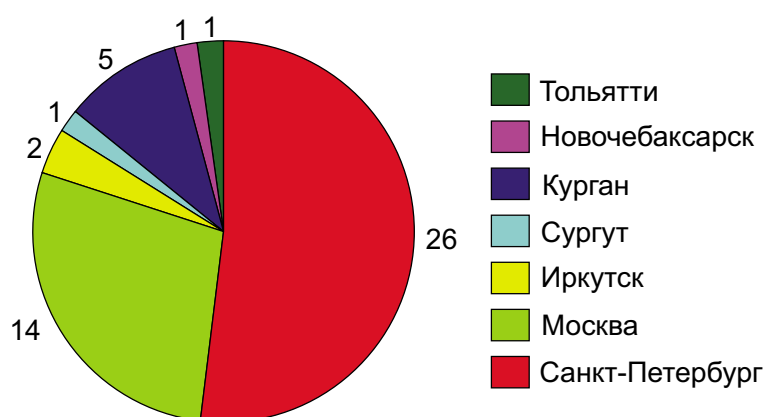

Рис. 8. Принимающие регионы, подвыборка «Жильё», внутренние мигранты

Таким образом, структура подвыборки «Жильё» может говорить о том, что авторы постов, опубликованных в сообществах трансграничных мигрантов, существенно чаще выбирают (или вынуждены это делать) в качестве точки назначения российскую провинцию. При этом трансграничные мигранты также включают в свои посты групповые маркеры, но, впрочем, чаще отсылающие к территориальной, а не к религиозной или этнической общности. Можно предположить, что выходцы из новых территорий одним упоминанием региона исхода формируют нужный контекст, сигнализируя о своём отчаянном положении и тем самым легитимируют просьбу о помощи. При этом в постах выходцев из других традиционных для России стран-доноров территориальные общности также упоминаются чаще других (см. рис. 9).

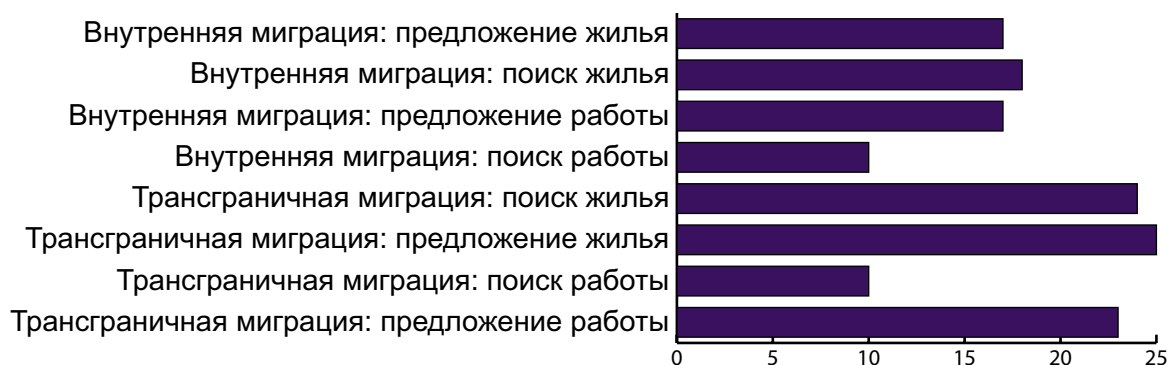

Рис. 9. Использование этнохоронимов внутренними и внешними мигрантами

Работа

В подвыборке постов трансграничных мигрантов среди запрашиваемых вакансий часто фигурирует категория «Любая работа» (см. рис. 10), что также может говорить об их тяжёлом материальном положении. В подвыборке постов трансграничных мигрантов «Любая работа» находится на втором месте по количеству упоминаний. В подвыборке постов внутренних мигрантов — на предпоследнем (см. рис. 10). В выборке можно найти посты, авторы которых, готовясь к переезду, пытаются узнать о перспективах трудоустройства в тех или иных российских регионах.

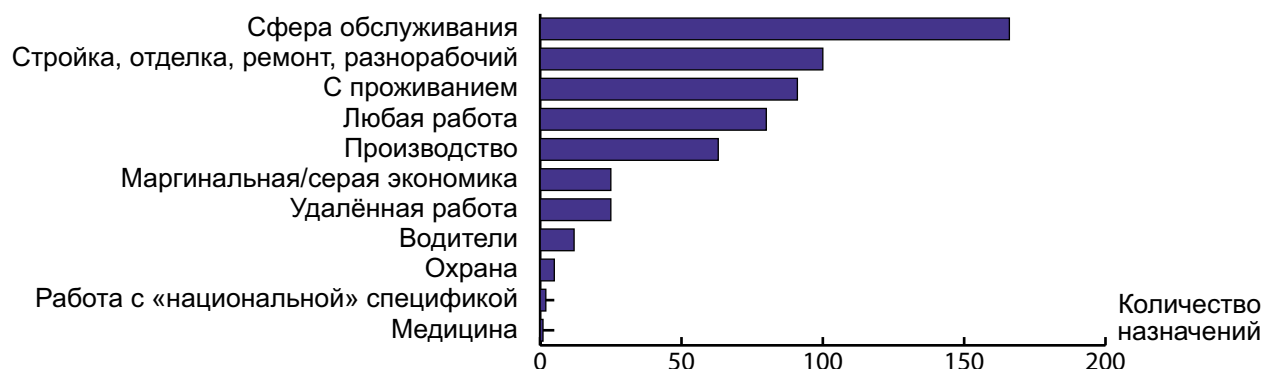

Рис. 10. Типы занятости, упоминаемые в подвыборке постов трансграничных мигрантов категории «Работа»

По контексту соответствующих постов можно заключить, что их авторы практически не имеют запаса ресурсов, чтобы покрыть интеграционные издержки. Они ищут работу с подённой оплатой, упоминают, что готовы работать и днём, и ночью, заниматься тяжёлым физическим трудом. Упоминаются и рабочие профессии — сварщики, строители, водители:

Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, мы с ребёнком и мужем решили выехать с X. Интересно, временное убежище дают сейчас? Что надо делать сначала? Как с работой? Сварщиком реально устроиться? Как с местами в садик для ребёнка? Спасибо за любую информацию.

Земляки! Ищу работу!!! Любую, желательно с ежедневной оплатой, физической работы не боюсь — погрузка, разгрузка и т. д., крепкий выносливый парень, рост 190, вес 90, 25 лет, не пью, не курю. Рассмотрю любые варианты!!! Делаю документы, на стадии оформления ВУ [Временное убежище]. Всем спасибо за внимание.

Особенностью выборки постов трансграничных мигрантов является значительное количество вакансий «с проживанием», причём нередко — в провинции, в сельской местности. Вынужденным переселенцам предлагают работу — что практически не встречается в подвыборке внутренних мигрантов — на семейных фермах, подразумевающую уход за скотом и другую помощь по хозяйству, нередко за еду и кров. О зарплате в таких объявлениях речь идёт не всегда; упоминаются небольшие ежемесячные вознаграждения. Аналогичные варианты запрашивают и сами соискатели:

Помощники по хозяйству! Наши хорошие знакомые из X, семейная пара, ищут работу с проживанием в загородном доме Подмосковье <...> Мужчина, 12 лет стажа в такси, категории (В, Д), 5 лет стажа работы поваром в ресторане. Женщина, высшее образование, имеет опыт работы в службе милосердия. Готовы на любые условия.

Предоставим семье из 2-х взрослых человек (от 18 лет до 50 лет) без вредных привычек работу на ферме и проживание в индивидуальном, частном доме. Тверская область, Ржевский район. Обязанности: уход за птицей, овцами, свиньями, лошадьми и КРС [Крупный рогатый скот]. Оплата на испытательном сроке — 35 000 р., после прохождения испытательного срока — 50 000 р.

Ряд постов содержат предложения занятости в домашней экономике — уход за скотом, уборка, присмотр за приусадебной территорией в отсутствие хозяев. Авторы, представители принимающего сообщества, ищут среди вынужденных переселенцев людей, готовых взять на себя уход за престарелыми родственниками в обмен на еду и проживание. Подобные запросы и предложения практически не встречаются в подвыборке постов мигрантов внутренних.

Зарплаты, упоминаемые в таких постах, варьируются: в одних о деньгах речь не идёт вовсе, их авторы ограничиваются лишь жильём и едой, в других упоминаются вполне стандартные для российских регионов минимальные почасовые ставки для приходящих сиделок. Содержание некоторых постов позволяет предположить, что их авторы представляют профессиональные сети, выстроенные по принципу территориальной общности, специализирующиеся на уходе за пожилыми людьми, трудоустраивающие земляков.

В отдельную тематическую подгруппу можно выделить посты мужчин — представителей принимающего сообщества, которые ищут среди беженек домработниц, в чьи обязанности, помимо прочего, входит и оказание сексуальных услуг. Взамен авторы предлагают взять на себя расходы на еду и проживание, иногда предлагают «посуточную оплату». В ряде объявлений, что характерно, предлагается «решить вопросы с регистрацией». Не во всех таких постах сексуальные услуги как часть сделки проговариваются напрямую, однако они считаются контекстуально:

Ищу девочку без в/п [Вредные привычки], спокойную, чистоплотную, умеющую вкусно готовить, общительную. Мне 23 г., мужчина. Всё включено <...> г. Ххх. Заселение срочно до 1 декабря. Свяжусь по лайкам. Опубликуйте аноним пожалуйста).

Возьму на содержание девушку 18–30 лет за помощь по дому, с работой и регистрацией помогу.

Молодой, одинокий, но хорошо обеспеченный человек приютит молодую украинку и трудоустроит у себя дома. Обязанности: уборка по дому, готовка, прочее (ассотрапу). Зарплата высокая, посуточная. Можно ночевать у меня, можно приходить. Всё обсуждаемо.

Неформальная и (или) теневая занятость встречается в подвыборке постов трансграничных мигрантов несколько чаще, чем у внутренних мигрантов (37 против 15 соответственно). Сюда входят объявления о поиске курьеров в наркошопы, эскорт, «обучение трейдингу», объявления, в которых людей приглашают попытать удачи в сетевом маркетинге. Также в эту группу входит значительное количество постов, которые контекстуально относятся к неформальной занятости, в них описывается подённая работа на строительных объектах, в личных хозяйствах, причём в ряде объявлений специально указывается, что работодатель не требует никаких документов.

Заключение

Целью нашего исследования было сравнение тематической структуры подвыборок размещённых в цифровых сообществах внутренних и трансграничных мигрантов постов и комментариев, в которых

описывается структурный аспект процесса включения в экономику принимающих городов. На основе нашего анализа можно предположить, что проблемы, с которыми сталкиваются группы, до определённой степени являются схожими.

Тип жилья и занятости, обсуждаемый в выборках, сопутствующие условия свидетельствуют о дефиците ресурсов. Об этом говорит количество упоминаний любой или 3d-работы, совместной аренды или аренды жилья в городском частном секторе. Сам факт обращения к незнакомцам за помощью в решении столь чувствительного вопроса, как поиск соседей для проживания в одной квартире, говорит о том, что авторы испытывают дефицита социального капитала.

Цифровые платформы для обеих групп становятся способом этот капитал накопить, опираясь на «слабые связи», выстраиваемые на основе земляческой, религиозной или этнической солидарности. Включённые в посты и комментарии групповые маркеры позволяют несколько увеличить уровень доверия между вступающими во взаимодействие незнакомцами: они позволяют, с одной стороны, отсеять «чужаков», а с другой — привлечь «своих».

Таким образом, «мигрантские» цифровые платформы становятся узлами транслокальных сетей, связывающих множество регионов на постсоветском пространстве, расположенных как внутри национальных границ, так и по разные их стороны. Люди используют эти узлы для поиска информации, необходимой для совершения «воображаемого путешествия» [Koikkalainen, Kyle 2016] в принимающий регион. «Воображаемое путешествие» необходимо для того, чтобы смоделировать ситуацию, которая будет ожидать переселенцев на новом месте, оценить шансы на успешную интеграцию. Сколько стоит жильё? Получится ли найти работу по имеющейся специальности? На эти и другие вопросы будущие мигранты ищут ответы, обращаясь за помощью к незнакомцам, уже совершившим такое путешествие в реальности. Полученная информация позволяет сделать непростой выбор в условиях неопределённости и стресса. Также эти узлы используются для поддержания инфраструктурных сетей, связывающих принимающий регион и регион исхода.

Теперь поговорим о различиях. Количественный анализ показал, что в обоих массивах тема поиска жилья и работы не является самой распространённой. В массиве постов и трансграничных, и внутренних мигрантов мы увидели темы, «размазанные» по выделенным классификатором категориям. В случае с трансграничными мигрантами это преодоление административных барьеров: ключевые слова — РВП, ВНЖ, описания «въезда-выезда» были распределены по всему массиву.

Характерно, что авторами соответствующих постов и комментариев становятся не только выходцы из стран Центральной Азии, но и переселенцы с новых территорий. Несмотря на то что формально эти последние не относятся к трансграничным мигрантам, в их текстах тема административных барьеров широко представлена. Выходцы из новых территорий, помимо стандартных для трансграничных мигрантов вопросов, связанных с оформлением статуса и трудоустройства, касаются и проблем получения доступа к социальной инфраструктуре — школам, больницам, к помощи в уходе за пожилыми людьми.

Для внутренних мигрантов такой темой стала транслокальность: создание и поддержание логистических сетей, связывающих регионы исхода, Москву и Санкт-Петербург. По этим сетям проживающие в европейской части страны внутренние мигранты могут получать посылки из дома, которые имеют как экономическое, так и символическое значение. Например, товары, предлагаемые предпринимателями-земляками, могут символизировать общность с регионом исхода, продукты, присылаемые из дома, поддерживают в сложное время.

Отличаются также и групповые маркеры, упоминаемые в выборках. Посты трансграничных мигрантов чаще содержат отсылки к территориальным общностям. Внутренние мигранты чаще отсылаются к религиозным (в большинстве случаев — ислам, в редких исключениях — шаманизм и буддизм) общностям. Эта разница может объясняться смещением выборки в сторону вынужденных переселенцев.

Территориальный маркер в сообщениях одновременно является описанием тяжёлой ситуации, в которой мигранты оказались, и легитимацией просьбы о помощи. В свою очередь, для представителей принимающего сообщества соответствующие территориальные маркеры могут быть сигналом готовности автора на более тяжёлые и невыгодные условия труда. Отличием выборки трансграничных мигрантов становится и присутствие в ней занятости в семейной экономике и экономике ухода в российской провинции.

Заметны также отличия в упомянутых в выборках типах жилья. Трансграничные мигранты чаще ищут любое жильё, в котором можно разместиться семьёй (например, дома в городском частном секторе). Различаются и территории, где трансграничные мигранты ищут и находят жилье: в их постах значительно чаще, чем в постах внутренних мигрантов, упоминаются, помимо Москвы и Петербурга, города российской провинции.

Гипотетически эти различия также могут быть объяснены смещением выборки постов трансграничных мигрантов в сторону вынужденных переселенцев, которые в силу обстоятельств оказываются в меньшей степени готовыми к переезду. Контекст некоторых постов показывает, что многим приходилось экстренно покидать жильё, не имея достаточно средств на обустройство. Количество обращений за помощью к незнакомцам в социальных сетях может также говорить о том, что у этой группы меньше возможностей опереться на горизонтальные сети в принимающих регионах.

Тематическая структура выборок позволяет вывести гипотезу о формировании новой, обширной категории мигрантов в России, чьи проблемы и влияние на экономику регионов практически не изучены. Можно предположить, что выходцы из новых территорий формируют стратегии выживания, связанные с поиском жилья и работы в российской провинции, в том числе в сельском хозяйстве и экономике ухода. Большое количество предложений трудоустройства в неформальной семейной экономике, распространяемых в этой группе, указывает на то, что принимающее сообщество в большей степени склонно доверять этой группе мигрантов, нежели другим категориям, но рассматривает их как потенциальных участников теневой экономики, людей, готовых на более тяжёлые и невыгодные условия труда, нежели другие категории мигрантов.

Литература

- Аганбегян А. Г. 2017. Демографическая драма на пути перспективного развития России. *Народонаселение*. 20 (3): 4–23.
- Баньковская С. П. 2023. *Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности*. СПб.: Владимир Даль.
- Варшавер Е. А., Рочева А. Л. 2016. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство. *Журнал исследований социальной политики*. 14 (3): 315–330.
- Варшавер Е. А. et al. 2021. *Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция*. М.: Дело.

- Дмитриев А. В. 2015. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы. *Социологическая наука и социальная практика*. 1: 16–29.
- Дятлов В. И. 2010. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 3–4 (58–59): 121–149.
- Дятлов В. И., Нам И. В. 2020. Национально-культурные организации в современном сибирском городе: проблема этнического представительства. *Идеи и идеалы*. 12 (4. Ч. 2): 473–491. doi: [10.17212/2075-0862-2020-12.4.2-473-491](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.4.2-473-491).
- Кастельс М. 1999. Становление общества сетевых структур. В сб.: Иноземцев В. Л. (ред.) *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология*. М.: Academia; 492–505.
- Кемпер М., Бустанов А. К. 2015. Ислам и русский язык: социолингвистические аспекты становления общероссийского исламского дискурса. *Казанское исламоведение = Kazan Islamic Review*. 1: 211–221.
- Корешкова Ю. О. et al. 2025. Деревня — городу, город — деревне: транслокальные сети внутренних мигрантов как фактор социально-экономической конвергенции регионального центра и периферии. На примере Иркутска и Красноярска. *Экономическая социология*. 26 (4): 152–175. doi: [10.17323/1726-3247-2025-4-152-175](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-4-152-175)
- Кужелева-Саган И. П. et al. 2016. «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей. Томск: Издательский дом ТГУ.
- Кузнецов И. М. 2018. Особенности интеграции мигрантов из республик Северного Кавказа в локальных принимающих средах. *Социологическая наука и социальная практика*. 6 (4): 51–63. doi: [10.19181/snsp.2018.6.4.6083](https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.4.6083)
- Малахов В. С. 2015. *Интеграция мигрантов: концепции и практики*. М.: Мысль.
- Малахов В. С., Симон М. Е. 2018. К генеалогии миграционной политики в России: столкновение двух правительственных рациональностей. *Вопросы теоретической экономики*. 1 (2): 58–72. doi: [10.24411/2587-7666-2018-00004](https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00004)
- Мукомель В. И. 2011. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики. *Мир России. Социология. Этнология*. 20 (1): 34–50.
- Мукомель В. И. 2014. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия. *Мир России. Социология. Этнология*. 23 (1): 137–166.
- Мукомель В. И. 2016. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов. *Социологические исследования*. 5: 69–79.
- Ни М. Л. 2022. Онлайн-сообщества трудовых мигрантов в России и Южной Корее как цепочки ритуалов взаимодействия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 3: 92–114. doi: [10.14515/monitoring.2022.3.1961](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1961)

- Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. 2018. Депопуляция в России, ее этапы и их особенности. *Народонаселение*. 21 (2): 4–17. doi: [10.26653/1561-7785-2018-21-2-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-01)
- Сметанин Ф. А. et al. 2023. Ищу квартиру, работу, шамана: социальные медиа как механизм структурной адаптации внутренних мигрантов в Сибири. *Вестник Томского государственного университета. История*. 83: 157–166. doi: [10.17223/19988613/83/21](https://doi.org/10.17223/19988613/83/21)
- Тимошкин Д. О. et al. 2025. Опыт анализа «цифровых следов» процесса структурной интеграции мигрантов в России с помощью нейросети BERT. *Социологическое обозрение*. 24 (1): 332–356. doi: [10.17323/1728-192x-2025-1-332-356](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-332-356)
- Фофанова К. В., Борисов Д. М. 2013. Сетевой ресурс как фактор интеграции иностранных трудовых мигрантов в региональный социум. *Журнал исследований социальной политики*. 11 (2): 189–206.
- Ager A., Strang A. 2008. Understanding Integration: A Conceptual Framework. *Journal of Refugee Studies*. 21 (2): 166–191. doi: [10.1093/jrs/fen016](https://doi.org/10.1093/jrs/fen016)
- Albada K., Hansen N., Otten S. 2021. When Cultures Clash: Links between Perceived Cultural Distance in Values and Attitudes towards Migrants. *British Journal of Social Psychology*. 60 (4): 1350–1378. doi: [10.1111/bjso.12455](https://doi.org/10.1111/bjso.12455)
- Alencar A. 2018. Refugee Integration and Social Media: A Local and Experiential Perspective. *Information, Communication & Society*. 21 (11): 1588–1603. doi: [10.1080/1369118X.2017.1340500](https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1340500)
- Brickell K. 2011. Geographies of ‘Home’ and Belonging in Translocal Siem Reap, Cambodia. In: Brickell K., Datta A. (eds) *Translocal Geographies: Spaces, Places, Connections*. Farnham: Ashgate; 23–38.
- Castelli F. 2018. Drivers of Migration: Why Do People Move? *Journal of Travel Medicine*. 25 (1): tay040. doi: [10.1093/jtm/tay040](https://doi.org/10.1093/jtm/tay040)
- Czaika M., Haas H. de. 2014. The Globalization of Migration: Has the World Become More Migratory? *International Migration Review*. 48 (2): 283–323. doi: [10.1111/imre.12095](https://doi.org/10.1111/imre.12095)
- Dekker R., Engbersen G. 2014. How Social Media Transform Migrant Networks and Facilitate Migration. *Global Networks*. 14 (4): 401–418. doi: [10.1111/glob.12040](https://doi.org/10.1111/glob.12040)
- Esser H. 2004. Does the “New” Immigration Require a “New” Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*. 38 (3): 1126–1159. doi: [10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x](https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x)
- Graaauw E. de, Vermeulen F. 2016. Cities and the Politics of Immigrant Integration: A Comparison of Berlin, Amsterdam, New York City, and San Francisco. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 42 (6): 989–1012. doi: [10.1080/1369183X.2015.1126089](https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1126089)
- Heckmann F. 2005. *Integration and Integration Policies: IMISCOE Network Feasibility Study*. Bamberg: europäisches forum für migrationsstudien (efms); University of Bamberg.
- Heilbrunn S., Kushnirovich N., Zeltzer-Zubida A. 2010. Barriers to Immigrants’ Integration into the Labor Market: Modes and Coping. *International Journal of Intercultural Relations*. 34 (3): 244–252. doi: [10.1016/j.ijintrel.2010.02.008](https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2010.02.008)

- Hidayati I. 2020. Social Media and Migration Decision-Making Processes of Indonesian Highly Skilled Migrant in the Middle East Countries. *Journal of Humanities and Social Studies*. 4 (2): 141–145. doi: [10.33751/jhss.v4i2.2459](https://doi.org/10.33751/jhss.v4i2.2459)
- Khalid A. 2019. Transnational Islam: Is Digital Ummah Possible? In: *6th International ILEM Summer School: Transnational Islam and Challenges of Being Muslim Ummah. Program & Proposals*. Istanbul: ILEM; 150–152. Available at: <https://iiss.ilem.org.tr/wp-content/uploads/2022/07/Program-and-proposals-web-1.pdf> (accessed 11 September 2026).
- Kok S., Rogers R. 2017. Rethinking Migration in the Digital Age: Transglobalization and the Somali Diaspora. *Global Networks*. 17 (1): 23–46. doi: [10.1111/glob.12127](https://doi.org/10.1111/glob.12127)
- Koikkalainen S., Kyle D. 2016. Imagining Mobility: The Prospective Cognition Question in Migration Research. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 42 (5): 759–776. doi: [10.1080/1369183X.2015.1111133](https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1111133)
- Madianou M. 2016. Ambient Co-Presence: Transnational Family Practices in Polymedia Environments. *Global Networks*. 16 (2): 183–201. doi: [10.1111/glob.12105](https://doi.org/10.1111/glob.12105)
- Oakes T., Schein L. (eds). 2006. *Translocal China: Linkages, Identities and the Reimagining of Space*. London: Routledge.
- Peth S. A., Sterly H., Sakdapolrak P. 2018. Between the Village and the Global City: The Production and Decay of Translocal Spaces of Thai Migrant Workers in Singapore. *Mobilities*. 13 (4): 455–472. doi: [10.1080/17450101.2018.1449785](https://doi.org/10.1080/17450101.2018.1449785)

BEYOND BORDERS

Dmitry Timoshkin, Tikhon Ermakov, Kirill Ivanov, Mikhail Zharkov, Pavel Tarasov “Looking for a Reliable Brother”: How Internal and Cross-Border Migrants Use Social Media to Gain a Foothold in Russian Cities

TIMOSHKIN, Dmitry — Visiting Scholar, Department of Sociology and Anthropology. Thammasat University. Address: 99\18 Phahonyothin Ave., Bangkok 12121, Thailand. Professor, Siberian Federal University. Address: 79 Svobodny Avenue, 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation.

Email: dmtrtim@gmail.com

ERMAKOV, Tikhon — Assistant professor, Siberian Federal University. Address: 79 Svobodny Avenue, 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation.

Email: erm-tihon@mail.ru

IVANOV, Kirill — Lecturer, Irkutsk State University Address: 1 Karl Marx Street, 664003, Irkutsk, Russian Federation.

Email: ivanov-ka@word.isu.ru

ZHARKOV, Mikhail — Researcher, Siberian Federal University Address: 79 Svobodny Avenue, 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation.

Email: mzharkov@sfu-kras.ru

TARASOV, Pavel — Independent Researcher. Address: Dostojveskogo 14, Novi Sad, 21000, Serbia.

Email: Berrymorr@gmail.com

Abstract

This article examines the thematic structure of posts and comments on *Vkontakte* in which cross-border and internal migrants discuss their search for employment and housing in Russian cities. We identify similarities and differences in the types of employment and accommodation under discussion, the problems associated with them, the strategies used to address these problems, and the social characteristics of the authors. Using a parser, we collected a corpus of texts from *Vkontakte* groups whose titles contained keywords referring to either cross-border or internal migration. A BERT neural network trained on a manually coded sample was used to identify texts relevant to the study. The resulting corpus was then processed using a linear classifier to identify its key themes. Finally, random samples of texts authored by internal and cross-border migrants were examined manually through quantitative and qualitative content analysis. Having identified the thematic structure of the two subsamples, we compared their central themes. Both subsamples address similar challenges, including limited access to information, financial resources, and social capital. They also reveal comparable ways in which digital platforms are used to address these challenges: users establish “weak ties” grounded in territorial, ethnic, and religious communities. At the same time, references to religious community markers occur more frequently in the internal-migrant subsample, whereas territorial markers are more common among cross-border migrants. The key themes of the two subsamples also differ. Discussions among internal migrants more often concern translocal networks connecting destination regions with places of origin. In the cross-border migrant subsample, administrative barriers are more frequently discussed. One notable anomaly in the latter corpus is the predominance of territorial markers identifying authors as originating from Russia’s “new territories.” The thematic structure of the relevant subsamples suggests that these migrants constitute a substantial group in Russia. They actively replenish the low-paid labour market in provincial cities and become involved in shadow and informal segments of the economy, including family-based economic activity, agriculture, and the care economy.

Keywords: cross-border migrants; internal migrants; social media; translocality; “weak ties”; care economy; neural networks.

References

- Aganbegyan A. G. (2017) Demographicheskaya drama na puti perspektivnogo razvitiya Rossii [Demographic Drama on the Path of Russia's Prospective Development]. *Population = Narodonaselenie*, vol. 20, no 3, pp. 4–23 (in Russian).
- Ager A., Strang A. (2008) Understanding Integration: A Conceptual Framework. *Journal of Refugee Studies*, vol. 21, no 2, pp. 166–191. doi: 10.1093/jrs/fen016
- Albada K., Hansen N., Otten S. (2021) When Cultures Clash: Links between Perceived Cultural Distance in Values and Attitudes towards Migrants. *British Journal of Social Psychology*, vol. 60, no 4, pp. 1350–1378. doi: 10.1111/bjso.12455
- Alencar A. (2018) Refugee Integration and Social Media: A Local and Experiential Perspective. *Information, Communication & Society*, vol. 21, no 11, pp. 1588–1603. doi: 10.1080/1369118X.2017.1340500
- Bankovskaya S. P. (2023) *Chuzhaki i granitsy. Issledovaniya po sotsiologii marginalnosti* [Strangers and Borders: Studies in the Sociology of Marginality], St. Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).
- Brickell K. (2011) Geographies of 'Home' and Belonging in Translocal Siem Reap, Cambodia. *Translocal Geographies: Spaces, Places, Connections* (eds. K. Brickell, A. Datta). Farnham: Ashgate, pp. 23–38.
- Castelli F. (2018) Drivers of Migration: Why Do People Move? *Journal of Travel Medicine*, vol. 25, no 1, tay040. doi: 10.1093/jtm/tay040
- Castells M. (1999) Stanovlenie obshchestva setevykh struktur [The Rise of the Network Society]. *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade: antologiya* [The New Post-Industrial Wave in the West: An Anthology] (ed. V. I. Inozemtsev), Moscow: Academia, pp. 492–505 (in Russian).
- Czaika M., Haas H. de (2014) The Globalization of Migration: Has the World Become More Migratory? *International Migration Review*, vol. 48, no 2, pp. 283–323. doi: 10.1111/imre.12095
- Dekker R., Engbersen G. (2014) How Social Media Transform Migrant Networks and Facilitate Migration. *Global Networks*, vol. 14, no 4, pp. 401–418. doi: 10.1111/glob.12040
- Dmitriev A. V. (2015) Konfliktogennost migratsii: teoreticheskie i prakticheskie problemy [Conflictogenicity of Migration: Theoretical and Practical Problems]. *Sociological Science and Social Practice = Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, no 1, pp. 16–29 (in Russian).
- Dyatlov V. I. (2010) Transgranichnye migranty v sovremennoi Rossii: dinamika phormirovaniya stereotipov [Cross-Border Migrants in Contemporary Russia: Dynamics of Stereotype Formation]. *Politeia = Politika*, no 3–4 (58–59), pp. 121–149 (in Russian).
- Dyatlov V. I., Nam I. V. (2020) Natsional'no-kul'turnye organizatsii v sovremennom sibirskom gorode: problema etnicheskogo predstavitel'stva [National-Cultural Organizations in a Contemporary Siberian City: The Problem of Ethnic Representation]. *Ideas and Ideals = Idei i idealy*, vol. 12, no 4, pt. 2, pp. 473–491. doi: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.2-473-491 (in Russian).

- Esser H. (2004) Does the “New” Immigration Require a “New” Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*, vol. 38, no 3, pp. 1126–1159. doi: [10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x](https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x)
- Fofanova K. V., Borisov D. M. (2013) Setevoy resurs kak phaktor integratsii inostrannykh trudovykh migrantov v regionalnyy sotsium [Network Resources as a Factor in the Integration of Foreign Labor Migrants into Regional Society]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 11, no 2, pp. 189–206 (in Russian).
- Graauw E. de, Vermeulen F. (2016) Cities and the Politics of Immigrant Integration: A Comparison of Berlin, Amsterdam, New York City, and San Francisco. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 42, no 6, pp. 989–1012. doi: [10.1080/1369183X.2015.1126089](https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1126089)
- Heckmann F. (2005) *Integration and Integration Policies: IMISCOE Network Feasibility Study*, Bamberg: europäisches forum für migrationsstudien (efms); University of Bamberg.
- Heilbrunn S., Kushnirovich N., Zeltzer-Zubida A. (2010) Barriers to Immigrants’ Integration into the Labor Market: Modes and Coping. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 34, no 3, pp. 244–252. doi: [10.1016/j.ijintrel.2010.02.008](https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2010.02.008)
- Hidayati I. (2020) Social Media and Migration Decision-Making Processes of Indonesian Highly Skilled Migrant in the Middle East Countries. *Journal of Humanities and Social Studies*, vol. 4, no 2, pp. 141–145. doi: [10.33751/jhss.v4i2.2459](https://doi.org/10.33751/jhss.v4i2.2459)
- Kemper M., Bustanov A. K. (2015) Islam i russkiy yazyk: sotsiolingvisticheskie aspekty stanovleniya obshcherossiyskogo islamskogo diskursa [Islam and the Russian Language: Sociolinguistic Aspects of the Formation of an All-Russian Islamic Discourse]. *Kazan Islamic Review = Kazanskoe islamovedenie*, no 1, pp. 211–221 (in Russian).
- Khalid A. (2019) Transnational Islam: Is Digital Ummah Possible? *Sixth International ILEM Summer School: Transnational Islam and Challenges of Being Muslim Ummah. Program & Proposals*, Istanbul: ILEM, pp. 150–152. Available at: <https://iiss.ilem.org.tr/wp-content/uploads/2022/07/Program-and-proposals-web-1.pdf> (accessed 11 September 2026).
- Kok S., Rogers R. (2017) Rethinking Migration in the Digital Age: Transglobalization and the Somali Diaspora. *Global Networks*, vol. 17, no 1, pp. 23–46. doi: [10.1111/glob.12127](https://doi.org/10.1111/glob.12127)
- Koikkalainen S., Kyle D. (2016) Imagining Mobility: The Prospective Cognition Question in Migration Research. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 42, no 5, pp. 759–776. doi: [10.1080/1369183X.2015.1111133](https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1111133)
- Koreshkova Yu. O., Timoshkin D. O., Voloshin A. A., Zborovitskaya N. N. (2025) Derevnnya — gorodu, gorod — derevne: translokalnye seti vnutrennikh migrantov kak faktor sotsialno-ekonomicheskoy konvergentsii regionalnogo tsentra i periferii. Na primere Irkutska i Krasnoyarska [Village to the City, City to the Village: Translocal Networks of Internal Migrants as a Factor in the Socioeconomic Convergence of a Regional Center and Periphery. The Cases of Irkutsk and Krasnoyarsk]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 26, no 4, pp. 152–175. doi: [10.17323/1726-3247-2025-4-152-175](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-4-152-175) (in Russian).

- Kuzheleva-Sagan I. P., Glukhov A. P., Akhmetova L. V., Bychkova M. N., Guzhova I. V., Nosova S. S., Okushova G. A., Stakhovskaya Yu. M. (2016) “*Tsifrovye diaspori*” migrantov iz Tsentral’noi Azii: virtual’naya setevaya organizatsiya, diskurs “voobrazhaemogo soobshchestva” i konkurentsia identichnostei [“Digital Diasporas” of Migrants from Central Asia: Virtual Network Organization, Discourse of the “Imagined Community,” and Competition of Identities], Tomsk: Tomsk State University Publishing House (in Russian).
- Kuznetsov I. M. (2018) Osobennosti integratsii migrantov iz respublik Severnogo Kavkaza v lokal’nykh primayushchikh sredakh [Features of the Integration of Migrants from the Republics of the North Caucasus in Local Receiving Environments]. *Sociological Science and Social Practice = Sotsiologicheskaya nauka i sotsial’naya praktika*, vol. 6, no 4, pp. 51–63. doi: [10.19181/snsp.2018.6.4.6083](https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.4.6083) (in Russian).
- Madianou M. (2016) Ambient Co-Presence: Transnational Family Practices in Polymedia Environments. *Global Networks*, vol. 16, no 2, pp. 183–201. doi: [10.1111/glob.12105](https://doi.org/10.1111/glob.12105)
- Malakhov V. S. (2015) *Integratsiya migrantov: kontseptsii i praktiki* [Migrant Integration: Concepts and Practices], Moscow: Mysl’ (in Russian).
- Malakhov V. S., Simon M. E. (2018) K genealogii migratsionnoy politiki v Rossii: stolknovenie dvukh pravitelstvennykh ratsionalnostey [To the Genealogy of Russian Migration Policy: The Collision between Two Governmentalities]. *Theoretical Economics = Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, no 1 (2), pp. 58–72. doi: [10.24411/2587-7666-2018-00004](https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00004) (in Russian).
- Mukomel V. I. (2011) Integratsiya migrantov: vyzovy, politika, sotsialnye praktiki [Integration of Migrants: Challenges, Policy, Social Practices]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 20, no 1, pp. 34–50 (in Russian).
- Mukomel V. I. (2014) Ksenofobiya i migrantofobii v kontekste kultury doveriya [Xenophobia and Migrant Phobias in the Context of the Culture of Trust]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 23, no 1, pp. 137–166 (in Russian).
- Mukomel V. I. (2016) Problemy integratsii vnutrirossiiskikh inoetnichnykh migrantov [Problems of the Integration of Internal Ethnic Migrants in Russia]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 5, pp. 69–79 (in Russian).
- Ni M. L. (2022) Onlain-soobshchestva trudovykh migrantov v Rossii i Yuzhnoi Koree kak tsepochniki ritualov vzaimodeistviya [Online Communities of Labor Migrants in Russia and South Korea as Interaction Ritual Chains]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*, no 3, pp. 92–114. doi: [10.14515/monitoring.2022.3.1961](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1961) (in Russian).
- Oakes T., Schein L. (eds) (2006) *Translocal China: Linkages, Identities and the Reimagining of Space*, London: Routledge.
- Peth S. A., Sterly H., Sakdapolrak P. (2018) Between the Village and the Global City: The Production and Decay of Translocal Spaces of Thai Migrant Workers in Singapore. *Mobilities*, vol. 13, no 4, pp. 455–472. doi: [10.1080/17450101.2018.1449785](https://doi.org/10.1080/17450101.2018.1449785)
- Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I. (2018) Depopulyatsiya v Rossii, ee etapy i ikh osobennosti [Depopulation in Russia, Its Stages and Their Features]. *Population = Narodonaselenie*, vol. 21, no 2, pp. 4–17. doi: [10.26653/1561-7785-2018-21-2-01](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-01) (in Russian).

Smetanin F. A., Timoshkin D. O., Ivanov K. A., Bryazgina D. E. (2023) Ishchu kvartiru, rabotu, shamana: sotsialnye media kak mekhanizm strukturnoy adaptatsii vnutrennikh migrantov v Sibiri [Looking for an Apartment, a Job, a Shaman: Social Media as the Structural Adaptation of Internal Migrants in Siberia]. *Tomsk State University Journal of History = Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no 83, pp. 157–166. doi: [10.17223/19988613/83/21](https://doi.org/10.17223/19988613/83/21) (in Russian).

Timoshkin D. O., Ermakov T. K., Ivanov K. A., Tarasov P., Zharkov M., Potekhin A. (2025) Opyt analiza “tsifrovyykh sledov” protsessa strukturnoy integratsii migrantov v Rossii s pomoshchyu neiroseti BERT [Experience of Analyzing “Digital Traces” of the Structural Integration Process of Migrants in Russia Using the BERT Neural Network]. *Russian Sociological Review = Sotsiologicheskoe Obozrenie*, vol. 24, no 1, pp. 332–356. doi: [10.17323/1728-192x-2025-1-332-356](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-332-356) (in Russian)

Varshaver E. A., Rocheva A. L. (2016) Integratsiya migrantov: chto eto i kakuyu rol v ee osushchestvlenii mozhet igrat gosudarstvo [Integration of Migrants: What Is It and What Role Can the State Play in Its Implementation?]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 14, no 3, pp. 315–330 (in Russian).

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S., Andreeva A. S. (2021) *Migranty v rossiyskikh gorodakh: rasselenie, kontsentratsiya, integratsiya* [Migrants in Russian Cities: Settlement, Concentration, Integration], Moscow: Delo (in Russian).

Received: 28 November 2025

Citation: Timoshkin D., Ermakov T., Ivanov K., Zharkov M., Tarasov P. (2026) “Ishchem poryadochnogo brata”: kak migranty ispolzuyut sotsialnye media dlya vklyucheniya v ekonomiku rossiyskikh gorodov [“Looking for a Reliable Brother”: How Internal and Cross-Border Migrants Use Social Media to Gain a Foothold in Russian Cities]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 4, pp. 96–121 (in Russian).